

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ. СОЦИАЛИЗМ И МЕЩАНСТВО В ДИСКУССИЯХ РОССИЙСКИХ СОЦИАЛИСТОВ РУБЕЖА XIX – XX вв.

В статье рассматривается вопрос об интеллигенции как субъекте борьбы с мещанством. Предметом анализа являются дискуссии на эту тему среди российских социалистических теоретиков начала XX в.

Основные аспекты интересующей нас проблемы были раскрыты в спорах между марксистом Г.В. Плехановым и Р.В. Ивановым-Разумником, тяготевшим к неонародничеству. Дискуссия важна еще и тем, что в ней был поднят широкий круг вопросов, связанных с представлениями о социализме в начале XX в.

Р.В. Иванов-Разумник первым среди российских социалистов поднял вопрос о возможном мещанстве социализма, тем самым отсылаясь на либеральные интерпретации данной темы. В 1907 г. вышла из печати его «История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в.» [1]. Этот труд был резко и во многом, на наш взгляд, несправедливо раскритикован Г.В. Плехановым в обширной статье «Идеология мещанина нашего времени» (1908 г.) [2]. В ответ Р.В. Иванов-Разумник выступил со статьей «Марксистская критика» (1910 г.) [3]. С обеих сторон при этом было высказано много важных суждений.

Г.В. Плеханов отрицательно отнесся к самому предположению о возможном мещанстве социализма. Поскольку Р.В. Иванов-Разумник утверждал, что мещанство – категория внесословная и внеклассовая и это – точка зрения и А.И. Герцена, то Г.В. Плеханову нужно было доказать, что мещанство присуще лишь буржуазии и вместе с ее уходом с исторической сцены уйдет и оно из общественной жизни. История русской общественной мысли, отмечал Г.В. Плеханов, представляется Р.В. Иванову-Разумнику чем-то вроде непрерывного поединка «мыслящих русских людей» с мещанством, но исход этой борьбы вырисовывается печальный, похоже, что не только в России, но и во всем мире окончательно победить мещанство вряд ли удастся. «Возьмите хотя бы социализм, – продолжал Г.В. Плеханов, – Многие думают, что торжество социализма было бы окончательным поражением мещанства. Но это большое заблуждение», – иронизировал он. Г-н Иванов-Разумник напоминает своим читателям о той «еретической» мысли Герцена, что «социализм, оставшись победителем на поле битвы, сам вырождается в мещанство» (курсив Р.И.-Р. – Т.К.) [2. С. 528, 529]. Здесь же Г.В. Плеханов обращал внимание на утверждение автора «Истории...», что эту мысль «о потенциальном мещанстве социализма уразумело только поколение русской интеллигенции начала XX века» [2. С. 529].

Логика требовала выяснить понимание мещанства и «потенциального мещанства» социализма А.И. Герценом, к чему и переходил Г.В. Плеханов. Он привел ряд выдержек из работ А.И. Герцена. В частности, о цивилизации западно-европейских стран: «Перед нами цивилизация, последовательно развившаяся на безземельном пролетариате, на безусловном праве собственника над собственностью. То, что ей пророчил Сиейс, – писал А.И. Герцен, – то и случилось: среднее состояние сдела-

лось *всем* – на условии владеть *чем-нибудь*. Знаем ли мы, как выйти из мещанского государства в государство народное, или нет – все же мы имеем право считать мещанское государство односторонним развитием, уродством» (курсив А.Г. – Т.К.) (Цит. по: [2. С. 530]). Однако А.И. Герцен при этом пояснял, что «уродство» не является неестественным, случайным, для него есть причины, и приводил пример с жирафом, для которого «одностороннее» развитие – относительная нормальность. Применительно к западно-европейской цивилизации А.И. Герцен продолжал: «Переднюю часть европейского камелеопарда составляет мещанство – об этом можно было бы спорить, если бы дело не было так очевидно; но однажды согласившись в этом, нельзя не видеть всех последствий такого господства лавки и промышленности. Ясно, что кормчий этого мира будет купец и что он поставит на всех его проявлениях свою торговую марку» [2. С. 530–531]. О духовных последствиях буржуазного господства А.И. Герцен писал следующее: «*Мещанство* – последнее слово цивилизации, основанной на безусловном самодержавии собственности – демократизация аристократии, аристократизация демократии; в этой среде Альмавива равен Фигаро – снизу все тянется в мещанство, сверху все само падает в него по невозможности удержаться. Американские Штаты представляют одно среднее состояние, у которого ничего нет внизу и нет ничего сверху, а мещанские нравы остались. Немецкий крестьянин – *мещанин* хлебопашества, работник всех стран – *будущий мещанин*» (выделено А.Г.) [2. С. 530–531]. И еще: «Все мельчает и вянет на истощенной почве – нету талантов, нету творчества, нету мысли, нету силы воли; мир этот пережил эпоху своей славы, время Шиллера и Гете прошло так же, как время Рафаэля и Бонаротти, как время Вольтера и Руссо, как время Мирабо и Дантона; блестящая эпоха индустрии проходит; она пережита так, как блестящая эпоха аристократии; все нищают, не обогащая никого: кредита нет, все перебиваются со дня на день, образ жизни делается все менее и менее изящным, грациозным, все жмутся, все боятся, все живут, как лавочки, нравы мелкой буржуазии сделались общими» [4. С. 57–58].

Из всего сказанного А.И. Герценом Г.В. Плеханов делал вывод, что в Западной Европе все более упрочивались «*мелкобуржуазные отношения*» (выделено Г.П.) и мещанство – «неизбежный и вполне естественный продукт этих отношений. Если бы устранена была *причина*, то устранилось бы и ее *следствие*. Если бы пришло к концу господство мелкой буржуазии в *общественной жизни*, то прекратилось бы и господство мелкобуржуазных нравов, то отошло бы в область предания и «*этическое мещанство*»» (термин Р.В. Иванова-Разумника. – Т.К.) (выделено Г.П.) [2. С. 531–532].

Р.В. Иванов-Разумник же, указывая Г.В. Плеханову, искажает мысль А.И. Герцена, заявляя, что «мещанст-

во – в смысле, приданном ему Герценом, – есть... группа преемственная, внеклассовая и внеслововная (этическая по характеру, по мнению Р.В. Иванова-Разумника. – *Т.В.*). В этих признаках главное отличие “мещанства” от “буржуазии”, типично сословной и классовой группы. Буржуазия – это прежде всего третье *сословие*, далее – это общественный *класс*, резко определяемый и характеризующийся как экономическая категория понятием ренты в том или ином ее виде... Понятие мещанства неизмеримо шире, так как внеслововность и внеклассовость являются его характерными признаками» (выделено Р.И.-Р.) [2. С. 533].

Приведа эти слова Р.В. Иванова-Разумника, Г.В. Плеханов справедливо отмечал несоответствие их смысла с герценовским пониманием мещанства как прежде всего мелкой буржуазии и мелкобуржуазных нравов.

Р.В. Иванов-Разумник, по мнению Г.В. Плеханова, в дальнейшем изложении идей А.И. Герцена сам наталкивался на противоречия, вытекающие из своей неверной посылки. Так, Р.В. Иванов-Разумник считал ошибкой А.И. Герцена то, что он «антимещанство... искал в классовой и сословной группе, между тем как сословие и класс – всегда толпа, масса серого цвета, с середиными идеалами, стремлениями, взглядами; *отдельные, более или менее ярко окрашенные индивидуальности из всех классов и сословий составляют внеклассовую и внеслововную группу интеллигенции, основным свойством которой и является антимещанство*» (выделено Р.И.-Р.) [2. С. 533].

Получается, замечал Г.В. Плеханов, несоответствие: с одной стороны, А.И. Герцен, по словам Р.В. Иванова-Разумника, считал мещанство внеслововной и внеклассовой категорией, а с другой стороны, искал противоядие мещанству в «сословной, классовой группе». На самом же деле, если не исказить мысли А.И. Герцена, мы увидим следующее. Известно, что А.И. Герцен считал русский народ не зараженным духом мещанства и потому способным более, чем западноевропейцы, на социалистическое творчество. Но эта сама по себе ошибочная мысль, указывал Г.В. Плеханов, как раз и показывает, что он не смотрел на мещанство как на свойство «внеклассовой и внеслововной группы», т.е. как на нечто независимое от общественных отношений. Напротив, подчеркивал Г.В. Плеханов, А.И. Герцен видел в нем «этическое» следствие известного «*социального*» порядка. Западные народы живут *при одних* экономических условиях; русский народ – *при совершенно иных*. На Западе господствует и все более упрочивает свое господство *мелкобуржуазная собственность*; русский народ крепко держится за *общинное землевладение*. Поэтому западные народы насквозь пропитаны *духом мещанства*, а русский народ – едва ли не наиболее *антимещанский народ* в мире. *Сознание определяется бытием*» (выделено Г.П.) [2. С. 534]. Здесь прав Г.В. Плеханов: А.И. Герцен однозначно не высказывал тезиса о внеклассовом и внеслововном происхождении мещанства.

Так же прав был Г.В. Плеханов, когда указывал Р.В. Иванову-Разумнику на то, что он опять же не совсем верно передал мысль А.И. Герцена о мещанстве социализма. У А.И. Герцена на этот счет говорится: «Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, неле-

постей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестною нам революцией» [4. С. 110].

То есть о мещанстве социализма А.И. Герцен не говорил. И, кроме того, слова А.И. Герцена позволяют сделать вывод о том, что сначала социализм победит, потом он будет развиваться, «разовьется во всех своих фазах до крайних последствий» и только дойдя до этих последствий, сам «по закону всего живого склонится к упадку, вследствие чего будет побежден «неизвестною нам революцией». То есть в историческом промежутке между гибелью мещанской цивилизации, развившейся на основе мелкобуржуазной собственности, и началом упадка социализма найдется, отмечал Г.В. Плеханов, «много места для жизни, не имеющей ровно ничего общего с мещанством» (выделено Г.П.) [2. С. 546–547], но именно об этом ничего и не говорил Р.В. Иванов-Разумник.

Сам Г.В. Плеханов по поводу этих слов А.И. Герцена заявил, что вряд ли возможна деградация человечества (кроме каких-то случайных социальных катастроф). «Я отнюдь не отрицаю “игры жизни” (на нее ссылался А.И. Герцен. – *Т.К.*), но я не думаю, – отмечал Г.В. Плеханов, – чтобы человечество, вышедшее из дикости, когда-нибудь вернулось к *людоедству* (выделено Г.П. – *Т.К.*). Точно так же, – продолжал он, – и опять-таки несколько не отрицая «игры жизни», – я не думаю, чтобы цивилизованное человечество, раз окончив с разделением общества на классы и с эксплуатацией одного класса другим, могло опять вернуться к такому разделению и такой эксплуатации. *А так как социализм означает именно устранение классов и эксплуатации одного класса другим* (выделено мною. – *Т.К.*), то никакие соображения об «игре жизни» не убедят меня в неминувости «неизвестной революции», которой будто бы суждено явиться отрицанием социализма. Для “игры жизни” останется достаточно простора и помимо такой революции» [2. С. 547].

Но ведь писал же А.И. Герцен, что западно-европейский «работник» (пролетарий) – «мещанин будущего»? На это Г.В. Плеханов давал следующее разъяснение. Как уже отмечалось, А.И. Герцен новую жизнь (немещанскую, социалистическую) считал возможной после некоего общественного «взрыва», покрывшего бы «лавой» поколения, выросшие на мелкобуржуазной почве. Но наблюдения текущей жизни приводили А.И. Герцена к убеждению о маловероятности такого «взрыва», потому что он видел укрепляющееся господство мелкой собственности – «*экономического*» основания «*этического*» мещанства. Потому он и допускал, логически экстраполируя эту тенденцию в будущее, что тем или иным способом к мелкой собственности приобщится и рабочий и, как следствие этого, проникнется мелкобуржуазным духом. «Все силы, таящиеся теперь в многострадальной, но мощной груди пролетария, – констатировал А.И. Герцен, – иссякнут; правда, он не будет умирать с голода, да на том и остановится, ограниченный своим клочком земли... или своей каморкой в рабочих казармах. Такова перспектива мирного, органического переворота» (цит. по: [4. С. 60]).

Строго следуя тексту А.И. Герцена, Г.В. Плеханов заявил, что, по мнению А.И. Герцена, «*в возможности западный пролетарий не мещанин, а скорее титан...*» Но он попал в исторический тупик: общественные отношения не дадут выхода его могучим силам; они заглушат их, и он мало-помалу сам делается мещанином. «*Такова перспектива мирного органического развития*», а другую перспективу трудно себе представить» (выделено Г.П.) [2. С. 548–549]. Г.В. Плеханов видел причину такого пессимистического взгляда на ближайшую перспективу исторического развития в том, что А.И. Герцен так и не перешел окончательно на материалистические позиции в объяснении истории. Он уже «чувствовал, если и не сознавал с полной ясностью, – писал Г.В. Плеханов, – как несостоятелен тот поверхностный идеализм, который в основу всех своих социологических объяснений кладет принцип «*мнения правят миром*». Но когда он пытается точнее определить вероятный ход дальнейшего развития западно-европейской экономики, тогда он немедленно впадает в огромное заблуждение. Он думает, что... собственность все более... раздробляется и что западному работнику предстоит все большее и большее *приобщение к мелкой собственности*. Проникнувшись этим убеждением, Герцен, естественно, уже не мог ожидать от будущего никаких коренных изменений в общественном строе Западной Европы» (выделено Г.П.) [2. С. 549]. Г.В. Плеханов напоминал, что разочарование А.И. Герцена в Западной Европе усилилось после крушения революции 1848 г., причем разочарование испытали главным образом те, по мнению Г.В. Плеханова, кто не сумел «до конца продумать теорию, объясняющую ход мысли ходом жизни» [2. С. 549].

Таким образом, Г.В. Плеханов убедительно показал, что Р.В. Иванов-Разумник напрасно стремился опереться на авторитет А.И. Герцена, утверждая, что мещанство может остаться характеристикой и строя будущего – социализма. Если на этом пункте полемики остановиться, то следует признать, что этот вопрос вновь возвращается в плоскость вопроса: вечны ли мелкая буржуазия и мещанство как ее типичная психологическая черта. Однако, на наш взгляд, Р.В. Иванов-Разумник у А.И. Герцена подметил подспудно присутствовавшее мнение о том, что с прекращением господства мелкой буржуазии ее нравы еще долго могут отвращать мещанством общественные отношения и исходя из этого выстраивал собственную концепцию мещанства и борьбы с ним.

Р.В. Иванов-Разумник еще в статьях 1904–1905 гг. о Н.К. Михайловском и А.И. Герцене акцентировал внимание на тех чертах мещанства, которые позволяли трактовать его как категорию, выходящую за рамки какого-либо определенного класса, так же как и интеллигенцию, – это обе категории этические, психологические – утверждал он. «Мещанство... – это не перевод и не замена термина “*bourgeoisie*”, смысл которого зиждется на экономической почве. Буржуазия – прежде всего третье *сословие*; далее, общественный *класс*, объединенный понятием ренты в том или ином ее виде... Совершенно другое значение имеет, – указывал Р.В. Иванов-Разумник, – введенный Герценом термин «мещанство» (говорим «введенный Герценом», так как у него

мы впервые встречаем подробное и точное определение этого понятия); буржуазия есть только частный его случай» (выделено Р.И.-Р.) [5. С. 16]. И в другом месте: «Буржуазия – это центр мещанства, но мещанство – шире...» [5. С. 16]. Эти положения он защищал и позже.

Итак, развивая тезис, сформулированный А.И. Герценом, Р.В. Иванов-Разумник делает его центральным пунктом своей концепции общественного развития: мещанство, сформировавшись на определенном этапе социально-экономического развития, пропитывает общественные отношения и, будучи этической категорией, может их отравлять еще и после исчезновения той социально-экономической почвы, которая его породила, т.е. сохраняться и в условиях социализма. Эту опасность нужно осознавать, чтобы с ней бороться. По мнению Р.В. Иванова-Разумника, субъектом антимещанской борьбы способна стать интеллигенция как внеклассовая группа. Г.В. Плеханов увидел в такой методологической установке отступление от материалистического и классового подходов и стремился доказать, что отступление от марксистских позиций неизбежно ведет к ложным выводам. Главной же целью Г.В. Плеханова было стремление отстоять немецкий характер социалистического общества, поскольку сама мысль об этом была для него тяжела.

Критиковал Г.В. Плеханов утверждение Р.В. Иванова-Разумника о том, что понятие «мещанство» шире понятия «буржуазия», следующим образом.

Даже если мы согласимся с тем, писал он, что буржуазия представляет собой несловную группу, все же она является классом, или «классовой группой» (по терминологии Р. Иванова-Разумника). Отсюда получается, что хотя мещанство как группа шире буржуазии, но тем не менее в его состав входит и буржуазия. Но если это так, то разве мы можем называть мещанскую группу внеклассовой? Конечно же нет. «Та общественная группа, *одной из составных частей которой является буржуазный класс*, сама должна иметь *по крайней мере до некоторой степени* классовый характер» (выделено Г.П.) [2. С. 536]. Степень же эта зависит от роли, которую играет данный класс в «мещанской группе». Если роль его велика, то, по мнению Г.В. Плеханова, и вся «мещанская» группа приобретает буржуазный характер; если роль буржуазии невелика, то «мещанская» группа пропитается «классовым духом буржуазии» в малой степени. Но даже и в этом случае, строго говоря, «мещанскую» группу нельзя назвать внеклассовой по той причине, что раз в ее состав входит класс буржуазии, то, значит, наряду с ним в эту группу могут входить и другие классы и, по Плеханову, только классы. Заостряя эту мысль, он заявил: «В обществе, разделенном на классы, *всякая* общественная группа по необходимости имеет классовый характер, хотя в зависимости от обстоятельств этот ее характер и не всегда получает яркое выражение» (выделено мною. – Т.К.) [2. С. 536–537].

Здесь же Г.В. Плеханов указывал на то, что А.И. Герцен смотрел на мещанство именно как на «плод известных общественных отношений, как на известный фазис в истории западной буржуазии», в частности, как на духовное свойство «буржуазии времен упадка». Это видно, по мнению Г.В. Плеханова, из

его сочувственного отношения к буржуазии периода развития по восходящей линии, когда на исторической сцене появились, по словам А.И. Герцена, «Рафаэли и Буонаротти, Вольтеры и Руссо, Гете и Шиллеры, Дантоны и Мирабо». И по этой же причине А.И. Герцен не считал мещанство свойственным ни средневековому рыцарству, ни русскому крестьянству [2. С. 538–539].

Отсюда видно, с каким упорством Г.В. Плеханов стремился отыскать аргументы в защиту положения о классовом характере мещанства и к каким натяжкам и даже ошибочным суждениям ему приходилось прибегать. Ошибочно, с марксистской точки зрения, его заявление о том, что в классовом обществе «всякая общественная группа по необходимости имеет классовый характер», поскольку процессы классообразования сложны и длительны и в каждый данный исторический момент в обществе есть группы, не обладающие всеми признаками класса.

Г.В. Плеханов вполне, на наш взгляд, убедительно доказал, что буржуазия продуцирует в наибольшей мере и в наиболее отчетливой форме черты «этического мещанства», которые тем не менее встречались в общественных отношениях и добуржуазного периода, а потому (на что с тревогой и обратил внимание Р.В. Иванов-Разумник) могут сохраняться и в постбуржуазный период. Речь идет именно об «этическом мещанстве» как сложном психологическом феномене, имеющем не прямую, не жесткую, а опосредованную связь с классовым положением индивида. На это специально указывал Р.В. Иванов-Разумник, неоднократно повторяя, что «мещанство – это *узость, плоскость и безличность*, узость формы, плоскость содержания и безличность духа; иначе говоря, не имея определенного *содержания*, мещанство характеризуется своим вполне определенным *отношением* к какому бы то ни было содержанию: самое глубокое оно делает самым плоским, самое широкое – самым узким, резко индивидуальное и яркое – безличным и тусклым... Мещанство – это трафаретность, символ веры мещанства и его заветное стремление – это “быть, как все”; мещанство как группа есть потому та сплоченная посредственность (conglomerated mediocrity), по цитированному Герценом выражению Милля. – Т.К.), которая всегда и всюду составляла толпу, доминирующую в жизни...» (выделено автором) [2. С. 537].

И даже более серьезное замечание Г.В. Плеханова о том, что всякая «данная философия истории лишь постольку и имела теоретическую ценность, поскольку она переходила на эту почву (из области этики в область социологии. – Т.К.), поскольку ей удавалось определить *социологический эквивалент тех или других «этических явлений»* (выделено Г.П.) [2. С. 539], было не совсем уместным, так как Р.В. Иванов-Разумник указывал на такой «эквивалент».

Антиподом мещанства автор «Истории русской общественной мысли...» считал индивидуализм, не в смысле эгоизма, а в смысле развитой индивидуальности. Он много внимания в своем труде уделял выяснению содержания термина «индивидуализм», которое вкладывалось в него именно русскими мыслителями народнического направления. По мнению Р.В. Иванова-Разумника, А.И. Герцен, П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский понимали принцип индивидуализма без тех «ан-

тиобщественных тенденций», которые имел в виду известный французский социалист Луи Блан, и это было более правильным. «Под индивидуализмом, – отмечал Р.В. Иванов-Разумник, – и Герцен, и Лавров понимали принцип главенства интересов реальной личности при неизбежной и тесной связи ее с обществом; общество в этом случае рассматривается и не с крайней номиналистической, и не с утрированно «органической» точки зрения... В своих решениях проблемы индивидуализма Лавров и Михайловский иногда шли рука об руку, иногда расходились в противоположные стороны, но оба они соединяли в себе величайший индивидуализм с безусловной общественностью» [1. С. 219–220].

Носительницей принципа «индивидуализма» в концепции Р.В. Иванова-Разумника, как и у теоретиков классического народничества, выступала интеллигенция, определяемая им, как «...*этически антимещанская, социологически внесловная, внеклассовая, преемственная группа, характеризующаяся творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности*» (выделено Р.И.-Р.) [6. С. 177].

Г.В. Плеханов провел анализ и определения интеллигенции, и характеристики социального идеала, содержащихся в формулировке Р.В. Иванова-Разумника опять же с «социологических» позиций и пришел к интересным выводам о том, что и такой абстрактный идеал, как «освобождение личности», и внеклассовый субъект борьбы за него в построениях русского теоретика не случайны, во-первых, и должны оцениваться не со знаком «плюс» (как думает Р. Иванов-Разумник), а со знаком «минус», во-вторых.

Русская интеллигенция, соглашался Г.В. Плеханов, действительно много занималась разработкой вопросов, относящихся к «личности». Но по какой же причине? – спрашивал он. И отвечал так: это было реакцией против закрепощения всего и всех в московском и петербургском периодах нашей истории. «Так как *по неразвитости наших общественных отношений* представителем этой реакции не мог явиться какой-нибудь общественный класс (или сословие), то она, – подчеркивал Г.В. Плеханов, – естественно, приняла “групповой”, т.е. *“внесловный и внеклассовый характер”*... Но у г. Иванова-Разумника наш “индивидуализм”, порожденный нашей великой исторической бедою, нашей страшной экономической отсталостью, получает, *подобно мещанству*, значение вечной категории и потому не рассматривается при свете социологии, который один только и может обнаружить его слабые стороны, делавшие его разновидностью *утопизма...*» (выделено Г.П.) [2. С. 541]. Г.В. Плеханов настаивал на том, что в обществе, разделенном на классы, содержание всякого общественного идеала всегда определяется «классовыми отношениями, экономическим строем этого общества» [2. С. 544]. Внеклассовых идеалов в таком обществе не бывает. Бывает только *«непонимание классового характера идеалов некоторою частью или большинством или даже всей совокупностью их противников или их сторонников»* (выделено Г.П.) [2. С. 544]. Георгий Валентинович добавлял, что и это непонимание тоже обусловлено экономическими отношениями.

Оно имеет место в обществе, где еще недостаточно обозначились общественные противоречия. Примером такой ситуации он считал немецких «истинных социалистов» 40-х гг. XIX в. «Истинные» немецкие социалисты того времени, напоминал Г.В. Плеханов, «...видели преимущество *немецкого* социализма перед *французским* в том, что носителем первой была *интеллигенция*, между тем как во Франции социализм уже стал делом *народной массы*. Но это воображаемое преимущество немецкого социализма было недолговечно: оно исчезло вместе с развитием в Германии классовой борьбы. Уже в шестидесятых, а еще более в семидесятых годах прошлого столетия немецкий социализм стал делом не интеллигенции, а неприятной г. Иванову-Разумнику «толпы, массы». А «внеклассовый идеал» перекочевал далее на Восток и свил себе весьма уютное гнездышко в России, где одним из самых замечательных его глашатаев был П.Л. Лавров...» (выделено Г.П.) [2. С. 544].

В современном капиталистическом обществе, по мнению Г.В. Плеханова, «новым является тот идеал, сущность которого состоит в устранении *всякого* классового господства, или, выражаясь отвлеченнее, в устранении эксплуатации человека человеком или, выражаясь еще отвлеченнее, в «*общественном освобождении личности*» (выделено Г.П.) [2. С. 541–542]. Естественным образом возникнув в развитом капиталистическом обществе, этот идеал был «ввезен» в отсталую, еще не капиталистическую тогда Россию. Но, попав в «отсталую» Россию, этот идеал «по неизбежности», т.е. именно потому, что капиталистические отношения в ней были еще «в зародыше», принял «*наиболее* отвлеченный вид, т.е. был сформулирован как «*общественное освобождение личности*» (выделено Г.П.) [2. С. 541–542, 544].

Таким образом, Г.В. Плеханов опроверг утверждение Р.В. Иванова-Разумника, что интеллигенция – это внеклассовая группа, призванная заниматься творчеством и проведением в жизнь социальных идеалов, показав, что социальные идеалы в классовых обществах вырастают из классовых отношений и формулируются либо представителями созревающих классов, либо представителями иных классов, перешедших на точку зрения выдвигающегося на первый план класса. И что борьба внеклассовой социальной группы за реализацию неопределенно широко сформулированного не имеет шансов на успех.

Кроме того, отмечал Г.В. Плеханов, если согласиться с мнением Р.В. Иванова-Разумника, что «...сословие и класс – всегда толпа, масса серого цвета, с серединными идеалами, стремлениями, взглядами», то придется признать, что «*масса всегда останется протитанной мечтанством*» (выделено Г.П.), или, другими словами, тот идеал, за который борется русская интеллигенция, «*для массы недостижим*» (выделено Г.П.), – более чем странный вывод для социалиста, подчеркивал Г.В. Плеханов, ко всему прочему еще и возвращающий русских социалистов к уже изжитой в теории и практике концепции «героев и толпы» [2. С. 543–544, 546].

С гугубо классовой точки зрения все, сказанное Плехановым, логично и правомерно, но дело в том, что Р.В. Иванов-Разумник не считал ортодоксальный марксистский подход безупречным и достаточным в ана-

лизе именно идеологических явлений, явлений общественной психологии. Поэтому суровая критика Г.В. Плеханова не поколебала его уверенности в правильности принципов понимания обсуждаемых вопросов, хотя он признал справедливость многих плехановских замечаний, касавшихся недостаточного знания им истории русского социализма, а в особенности – западноевропейского социализма. Следует иметь в виду, что характерной чертой взглядов Р.В. Иванова-Разумника на общественное развитие было акцентирование внимания на важной роли и значении культуры личности и общества, а потому – социальных функциях интеллигенции. В статье 1907 г. «Что такое махаевщина? К вопросу об интеллигенции» он четко сформулировал главную, с его точки зрения, мысль: «Социализм стремится к достижению социальной справедливости без понижения уровня культуры; мы присоединяемся к такому стремлению, ибо находим, что еще никем ... *не доказано, что социальная справедливость и уровень культуры находятся в обратно-пропорциональной зависимости друг от друга*» (выделено Р.И.-Р.) [7. С. 91], и, развивая это положение, высказал, на наш взгляд, очень верную мысль: «...социализм, действительно, стал *эволюционным* по отношению к культуре, прогрессу, оставшись *революционным* по отношению к «цивилизованному обществу» (выделено мною. – Т.К.) [7. С. 92], имея в виду капитализм. Такая позиция объединяла его с А.А. Богдановым, также специально подчеркивавшим необходимость освоения всей накопленной человечеством культуры пролетариатом, который не потеряет от этого свою революционность, но придаст ей соответствующие времени формы.

Здесь же Р.В. Иванов-Разумник указывал на главный отличительный признак интеллигенции – этический: «Не всякий “культурный человек” есть представитель “интеллигенции”, ибо культурное общество характеризуется только известным уровнем знаний и тех чисто внешних признаков, которые относятся не к области этики, а к области “парикмахерской цивилизации”, по бессмертному выражению Решетникова; интеллигенция же характеризуется... не уровнем знания, а уровнем сознания и целым рядом чисто внутренних этических признаков» [7. С. 146].

Эту же мысль он развивал в своем главном труде – «Истории русской общественной мысли...». И именно ее не смог понять, по мнению Р.В. Иванова-Разумника, его оппонент, и не смог потому, что занимал позиции узкого, ортодоксального марксизма, основная черта которого – «пренебрежение к глубокой, неповторяемой, индивидуальной *человеческой личности*, к ее жгучим и болезненным запросам, к ее внутренней сущности» (выделено Р.И.-Р.) [3. С. 115]. Учитывая это, Р.В. Иванов-Разумник специально разъяснял Г.В. Плеханову, что в отличие от марксистов неонародники (к которым относился и Иванов-Разумник) считают социально-экономический подход к анализу общественных явлений, в том числе вопросов, связанных с личностью, очень важным, но требующим дополнения «критерием философским и этическим, без которого и общественность, и индивидуальность равно непонятны». «Личность... вырастает, – указывал Р.В. Иванов-Разумник, – на социальной почве, но глубочайшие этические запросы

этой личности могут быть объяснены только этически и философскими критериями» [3. С. 115].

Анализ взаимоотношений мещанства и интеллигенции с помощью указанных критериев привел его к выводу, что это «две силы», действующие в противоположных направлениях; что мещанство – это та «среда, в неустанной борьбе с которой происходил процесс развития интеллигенции». Борьба же интеллигенции велась и ведется за человеческую личность, за «индивидуальность, за ее широту, глубину и яркость» [3. С. 137]. Людей, ведущих эту борьбу, Р.В. Иванов-Разумник объединял в группу интеллигенции («внесословную, преемственную»). По его глубокому убеждению, избавление от мещанства состоит в росте этой группы [3. С. 115]; если логически продолжить это умозаключение, то можно сказать, что в идеале он видел превращение всего народа в интеллигенцию (именно в этическом смысле), чего как раз и не увидел Г.В. Плеханов.

«Освобождение личности, – писал Р.В. Иванов-Разумник, – может и должно быть двояким – экономическим и этическим, внешним и внутренним. «Наш идеал, – указывал он, – общественное освобождение человека из-под власти машины капитализма и левиафана – государства, обобществление орудий производства, возвращение всей «прибавочной стоимости» трудящимся при полной политической свободе; одним словом, наш идеал – победа реального социализма над капиталистическим строем и над всеми его губящими личными противоречиями. Этот идеал должен быть осуществлен и – верим – будет осуществлен; [но] он не является конечным пунктом пути (в отличие от мнения Г.В. Плеханова. – Т.К.) – наоборот, это лишь один из первых этапов на пути к освобождению человека... Прежде всего должно быть достигнуто и будет достигнуто экономическое и социальное освобождение всех людей без исключения. Но это только одна половина вопроса, только первый шаг к полному раскрепощению личности; кроме этого внешнего социально-экономического освобождения, рядом с ним идет и борьба за внутреннее социально-этическое освобождение личности от пут мещанства... Эта борьба с духовной косностью, узостью и ограниченностью во много раз тяжелее и труднее борьбы за социальное раскрепощение...» (выделено мною. – Т.К.) [3. С. 138–139].

Еще и еще раз он повторял, указывая не понявшему его Г.В. Плеханову, что «в области социально-экономической идет борьба массы за общественное освобождение человека; в области социально-этической, наоборот – идет борьба с массой за нравственное освобождение личности. Обе эти борьбы идут одновременно, но в первой области победа будет достигнута прежде, чем во второй. Победа над мещанством, – полагал он, – не совпадает с торжеством социализма: до нее гораздо дальше – это понимал уже Герцен, предвидя будущее мещанство социализма. Будет ли когда-нибудь окончательно превзойдено это этическое мещанство? Не знаем, но верим в будущую свободу человеческого духа так же, как верим и в социальное освобождение человечества... Свободный духом человек на свободной земле – вот величайший идеал, едва мерцающий нам в туманной дали грядущих столетий; и если невозможно абсолютное достижение его, то постоянное и

величайшее приближение к нему – вот задача, стоящая перед человечеством и субъективно осмысливающая его существование» (выделено мною. – Т.К.) [3. С. 141–142]. В статье 1909 г. он привел и следующее определение «общечеловеческого идеала» в понимании интеллигенции: «...стремление человечества к физическому и духовному самораскрепощению, причем (говоря сказанными по другому поводу словами Михайловского) безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все то, что задерживает это движение, а нравственно, справедливо, полезно и разумно все то, что ускоряет его» [6. С. 180].

Что касается ужаснувшей Г.В. Плеханова характеристики сословия и главное, класса, как всегда «толпы, массы серого цвета», за которую Р.В. Иванов-Разумник получил упреки (не только от Г.В. Плеханова) в «презрении к массе», «аристократизме», «оскорблении народа», то Р.В. Иванов-Разумник разъяснял следующее. В социально-этической области творчество затруднено сильной «консервативной властью массы, толпы... будь то масса студентов или толпа профессоров». Мещанская масса, или толпа (независимо от ее состава), всегда враждебно встречает любую новую «истину», и лишь тогда, когда «эта истина» достаточно состарится, она становится достоянием этой «массы». Это справедливо, отмечал Р.В. Иванов-Разумник, по отношению «и к науке, и к искусству, и к системам мировоззрений – вообще ко всей области творчества человеческого духа» [3. С. 139]. Но в каждой из этих групп (здесь, толпа и любые сословные и классовые группы) «есть часть интеллигенции, ведущей борьбу с этим мещанством за духовную свободу личности. К этой внесословной и внеклассовой в целом интеллигенции могут принадлежать и ученый профессор, и безграмотный крестьянин, и студент и рабочий, общие не по уровню знаний, а по уровню своего социально-этического сознания (выделено Р.И.-Р.) [3. С. 140]. То есть, подчеркивал Р.В. Иванов-Разумник, у него речь идет об «этическом значении массы и толпы, а г. Плеханов переводит [его] слова на единственно понятный ему социологический язык». Поэтому Г.В. Плеханов и не замечал, что «в социологической» теории героев и толпы» герои ведут толпу за собою..., в указанном же выше противопоставлении интеллигенции и мещанства интеллигенция борется с мещанством, идет против него» (выделено Р.И.-Р.) [3. С. 141]. Поэтому ничего оскорбительного для пролетариата в его работах, утверждал Р.В. Иванов-Разумник, нет и ничего, принижающего социализм, тоже, поскольку именно социализм создаст условия для борьбы с мещанством, т.е. за культурное, духовное развитие личности, более благоприятные, нежели в современном обществе. Однако это возможно лишь при обязательном выдвигании на первый план принципа свободы и развития личности.

Подводя итог, можно утверждать, что дискуссия эта в главном остается незаконченной и сегодня, потому что социалистическое общество пока еще является перспективной. Вместе с тем, по нашему мнению, с позиций сегодняшнего дня видно, что аргументация Г.В. Плеханова об исчезновении объективных условий для продуцирования мещанства в социализме была бы более убедитель-

ной, если бы он согласился с Р.В. Ивановым-Разумником в том, что мещанство, являясь социопсихологическим качеством личности, формируется медленно и так же медленно слабеет в изменившихся условиях. Причем автоматически это не происходит – нужна целенаправленная работа, и здесь действительно важную роль как играла, так и будет играть интеллигенция (мы оставляем в стороне вопрос о том, присуща ли эта функция классовой или «внеклассовой», «внесловной интеллигенции, что, как известно, тоже было предметом споров в начале XX в.).

Далее мы полагаем, что оба автора правы в утверждениях, что мещанство – одна из черт буржуазного общества. Это подтверждают и прошедшие со времени дискуссии сто лет: очевидно, что и в развитых странах сегодня, и в капитализирующейся России происходит размежевание культуры на элитарную (для все более малочисленных ценителей) и массовую (для остальных), пропитанную не просто мещанством, но примитивизмом. Характерно также, что надежды на преодоление такой ситуации современные авторы разных идейных предпочтений связывают именно с интеллигенцией. Это видно из новейших определений данной социальной группы. Так, А.Н. Тарасов пишет, что с термином «интеллигенция» в России продолжает быть

связано такое свойство, как «болеть болями своей страны, думать о судьбах страны и народа, быть в оппозиции к власти, противостоять пошлости, примитивизму, мещанству, торгашеской идеологии» [8. С. 121]. Е.С. Элбакян в статье «Между молотом и наковальней (Российская интеллигенция в ушедшем столетии)» характеризует интеллигенцию следующим образом: «*Интеллигенция – социальная группа, которая занимается умственным трудом, отличается высоким образовательным уровнем и творческим характером своей деятельности, проявляющимся в привнесении лично-индивидуального начала в эту деятельность, производит, сохраняет и несет в другие социальные группы общечеловеческие ценности и достижения мировой культуры, обладает специфическими психологическими чертами и позитивными нравственно-этическими качествами. Последнее можно назвать интеллигентностью*» (выделено Е.Э.) [9. С. 32].

Мы разделяем такую точку зрения и считаем неверными суждения теоретиков, доказывающих (начиная с П.Б. Струве в начале XX в.), что интеллигенция в «специфически русском» значении этого слова со временем сойдет с исторической сцены и останутся лишь «интеллектуаль». Но это – тема уже другой статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов-Разумник Р.В.* История русской общественной мысли: В 3 т. М.: Республика, ТЕРРА, 1997.
2. *Плеханов Г.В.* Идеология мещанина нашего времени // Плеханов Г.В. Избр. филос. произведения. М., 1958. Т. 5.
3. *Иванов-Разумник Р.В.* Марксистская критика // Иванов-Разумник Р.В. Литература и общественность: Сб. статей. СПб., 1910.
4. *Герцен А.И.* С того берега // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1955. Т. 6.
5. *Иванов-Разумник Р.В.* Герцен и Михайловский (Сравнительная характеристика) // Литература и общественность: Сб. статей. СПб., 1910. С. 16.
6. *Иванов-Разумник Р.В.* Что такое «кающиеся разночинцы»? К вопросу о «Вехах» // Об интеллигенции. 2-е изд. СПб., 1910.
7. *Иванов-Разумник Р.В.* Что такое махаевщина? К вопросу об интеллигенции // Об интеллигенции. 2-е изд. СПб., 1910.
8. *Тарасов А.Н.* Долой продажную буржуазно-мещанскую культуру посредственностей, да здравствует революционная культура тружеников и творцов // Альтернативы. 1999. № 3. С. 120–161.
9. *Элбакян Е.С.* «Между молотом и наковальней» (Российская интеллигенция в ушедшем столетии) // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2003. № 2. С. 28–67.

Статья представлена кафедрой истории России и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 20 сентября 2004 г.